

Брашнин Иван Петрович

 bogorodsk-noginsk.ru/lyudi/brashnyn1.html

19 апреля 2005 года

Е.И.Капцова

Брашнины

Иван Петрович Брашнин был единственный сын крестьянина деревни Дубровка (позднее село Крестовоздвиженское) в трех верстах от города Орехово-Зуево.

Его отец, Петр Васильевич Брашнин, работал ткачом на шерстяной фабрике в Москве, но среди дубровских крестьян было немало ткачей и моталок, которые работали у себя на дому.

Когда сын подрос, Петр Васильевич тоже завел свой стан, купил шелку и они с Иваном Петровичем, у себя в избе, стали ручным способом ткать канаус. Были они люди трудолюбивые и "занималистые" (предприимчивые). Начинали с маленького. Сработанный товар Иван Петрович сам возил на лошади в Москву. Сначала поставлял кому-то, потом снял уголок в чужом амбаре для склада, стал выдавать шелк в работу на дом другим дубровским ткачам и начал приторговывать с грошей.

Со временем Иван Петрович построил и оборудовал небольшую фабрику, которую через несколько лет закрыл, организовал в Дубровке раздаточную контору и, арендуя в Москве помещение в Теплых рядах, повел оптовую торговлю шелковым товаром. Он довольно быстро разбогател, купил дом на Николо-Ямской в Малом Дровяном переулке и стал уже постоянно жить в Москве.

Женат был Иван Петрович дважды. От первой жены, дочери фабриканта из Павлова Посада, Анны Андреевны Лабзинойу него были три дочери - Надежда, Мария, Евдокия- и сын Иван, самый младший.

Были и другие дети, но не выживали. Оставшись вдовцом, Иван Петрович женился второй раз - на вдове Елизавете Александровне Гараниной, урожденной Карташевой. От второго брака детей у не было.

К тому времени, когда я стала невесткой Ивана Петровича, все три его дочери были уже выданы замуж: и жили отдельно от отца. В семью Брашниных я входила семнадцати лет, да и мужу моему Ивану Ивановичу едва исполнилось двадцать

один год.

Семья была строгая, на первом месте послушание и подчинение. Иван Петрович был человек серьезный, не веселый, не шутливый, даже суровый, очень деловитый. Следил, чтобы больше сидели дома, зря денег не тратили, копейку берегли. Часто говаривал: Без денег мы никому не нужны". Лишних расходов боялся, но на нужное не скупился. Сына отдал в дорогую школу - «Практическую Академию коммерческих наук», а сам учился грамоте у дьячка. Тому же сыну внушал брать жену небогатую, не балованную, чтобы не зазнавалась, своих порядков не заводила, а главное, чтобы «не зависеть от грошей бабы». Жили сытно, дом — полная чаша, но просто. Никаких разносолов, никаких новшеств в обиходе Иван Петрович не признавал. Учил довольствоваться необходимым. Внучат любил, с маленькими нянчился, а подрастать стали, был взыскателен, заботился, чтобы привыкали жить скромно, тревожился, как бы их не избаловали: «Избалуете, - камень им на шею навесите, выплывай потом в море житейское».

День в доме начинался рано. Иван Петрович вставал с семь часов и всех поднимал. Чай пили все вместе. Потом каждый день ездил 4 город в амбар, - сыну не доверял и, вообще, в деньгах его ограничивал. По смерти все отказал сыну, но при жизни держал все в своих руках. Из города возвращался часов в пять, садились обедать. Последний вечерний чай пили в восемь.

По воскресеньям Иван Петрович ездил иногда на Конную полюбоваться на лошадей, поинтересоваться ценами. Бывал и на бегах, и сына брал с собой, но никогда не играл. Он очень любил лошадей, даже был у него конский завод свой, маленький, любительский.

Вечерами хаживал в трактир на Таганку чаю попить с приятелями, которым растолковывал, как понимать евангелие и церковные обряды.

Чтение евангелия вслух входило у него в распорядок каждого дня. Иван Петрович считал необходимым, чтобы евангельское слово звучало в доме ежедневно. Начиналось чтение уже за утренним чаем, продолжалось и после чая, бывало и после обеда и вечером. Вечерами читали не только евангелие, но и псалтырь, и светские книги о религии. Читали и романы Достоевского "Униженные и оскорбленные", "Преступление и наказание", и др. Евангелие Иван Петрович читал (на русском языке), всегда со своими замечаниями. Если ему, что не нравилось, с чем был не согласен, говорил — "это прибавлено", "это попы выдумали". Его особенно раздражало — "что свяжете на земле, будет связано на небесах" - всегда говорил - "это попы выдумали, чтобы к ним шли, чтобы набивать карманы". Читал Иван Петрович средне, не очень выразительно и не очень бегло, вдумчиво, часто повторял отдельные строчки, вникал в них и все на свой лад сворачивал, перетолковывал.

В молодости Иван Петрович был очень набожным, усердно посещал церковные службы, каждую Страстную исповедывался и причащался.

Когда возил товар в Москву, обязательно заезжал к Иверской приложиться и поставить свечу рубля в три (чем больше жертва, тем больше пользы). Однако с годами это его уже не удовлетворяло, он начал критиковать церковный порядок, стал колебаться в своих верованиях, а потом и совсем отказался от прежних понятий. Этому много способствовало и одно обстоятельство. Как то книгоноша, продававший духовную литературу, принес ему (может быть и не случайно) переписанную от руки книгу о смысле жизни, о том, как надо жить. Это было одно из запрещенных тогда сочинений Льва Толстого. Оно произвело на Ивана Петровича большое впечатление и очень пришлось ему по душе, так как отвечало на его сомнения. Он захотел прочесть и другие сочинения Толстого о религии, разыскивал их, поручал своему приказчику Заикину их переписывать. Он хотел лучше понять религиозно-нравственное учение Толстого, старался разобраться в нем. В этом ему помогали и посещавший его А.Н.Дунаев, давний знакомый и единомышленник Толстого, и, конечно, прежде всего сам Толстой, с которым Дунаев познакомил Ивана Петровича.

Беседы с Толстым оказали на Ивана Петровича глубокое влияние и помогли укрепить его новым убеждениям.

Иван Петрович совершенно изменил свой образ жизни. Он перестал ходить в церковь, не говел, потерял веру в святых и чудеса, не признавал икон. Попов, хотя и принимал и хорошо им платил, но уже не выходил к ним, извинялся через прислугу — болен. Однако других к своим новым взглядам он не принуждал, а приказчиков далее гонял в церковь, чтобы не баловались.

Он отказался от мяса, сделался вегетарианцем, не курил, не брал в рот ни капли вина, хотя раньше выпивал и далее до запоя.

Льва Николаевича Толстого Иван Петрович глубоко уважал, видел в нем наставника и считал себя его последователем. Он высоко ценил свое знакомство с Толстым, ждал встреч с ним, чувствуя потребность в его беседах. Очень замкнутый, с Толстым он, вероятно, был откровенен и делился с ним своими заботами и сомнениями.

Лев Николаевич со своей стороны был очень доброжелателен к Ивану Петровичу. Он не раз бывал у него в доме и всегда был внимателен и любезен. Я помню, как мы с мужем сидели напротив него за столом и очень смущались под его пронзительным взглядом, а он приветливо и деликатно к нам обращался. Когда Иван Петрович серьезно заболел и стало ясно, что ему уже не поправиться, Лев Николаевич навещал его чаще и сейчас лее приехал, как только ему дали знать, что Иван Петрович хотел бы проститься с ним перед своей кончиной.

Однако в семье и среди родных Иван Петрович не встречал сочувствия своим взглядам. Свекровь, женщина прямая и резкая, считала его "толстовство" чудачеством, спорила с ним и позволила, например, снять в спальне только те иконы, которые принадлежали ему до их свадьбы.

Перед смертью Иван Петрович не допустил к себе попов, отказался от их напутствия и завещал хоронить его не по-церковному, но воля его не была исполнена (может быть и потому, что в те времена это грозило всякими неприятностями).

Ивана Петровича отпели по-православному в церкви и похоронили на кладбище Покровского монастыря.

Записано со слов моей матери Наталии Павловны Брашниной (1867-1958). Записала Е.И.Капцова (урожденная Брашнина, дочь Ивана Петровича Брашнина), жена Сергея Александровича Капцова, сына Анны Михайловны Капцовой, основательницы шелкоткацкой фабрики в д. Фрязино. Передал на сайт Богородск-Ногинск Г.Ровенскому из семейного архива её (Е.И. Капцовой) внук - Сергей Александрович Капцов, правнук Анны Михайловны Капцовой. тел. 561-67-09